

Часть первая

Воспоминания детства, в отличие от воспоминаний зрелых лет, не разграничены рамками времени. Это разрозненные образы, словно островки в море забвения, и персонаж, изображающий в них нас самих, столь отличен от того, чем мы стали, что многое в этих воспоминаниях кажется нам совершенно чуждым нашей жизни. Но некоторые из них оставили в нашей памяти такой неизгладимый след, что по неиссякающей силе их воздействия мы убеждаемся в их былой достоверности. Подобно тому, как, изучая историю какой-нибудь страны, мы уже не можем сами чувствовать тот гнет, который некогда терпело крестьянство со стороны Церкви и знати, однако ясно представляем его себе, наблюдая в деревнях все еще не изжитую, хотя теперь уже необъяснимую вражду, — так, замечая среди нынешних своих чувств непонятное отвращение к чему-нибудь и чуждые нам склонности, мы узнаем в них затихающие волны смятения, потрясшего лет тридцать тому назад биологические клетки, потомками которых мы являемся.

Самым ранним воспоминанием Денизы Эрпен было воспоминание о дне, проведенном на берегу

моря. Несколько лет подряд госпожа Эрпен снимала виллу на нормандском побережье, в Безевале¹. «Я делаю это главным образом для детей», — говорила она. Дача называлась «Вилла колибри». Двадцать лет спустя Дениза все еще ясно видела крышу с деревянной резьбой по краю, в узор которой чередуются сердца и завитки, видела коричневые деревянные столбы между кирпичными стенами, частью прямые, частью наклонные, веранду с разноцветными стеклами, садовую калитку, которая, открываясь, приводит в движение колокольчик, и на окнах — широкие металлические ящики с увядающей геранью, издающие запах земли и прелых листьев.

Дениза в красной фуфайке стоит, опершись на лопатку, возле канавки, которую она вырыла вокруг крепости из песка. Она смотрит на море. По зеленой воде, приобретающей ближе к берегу песочно-желтый оттенок, проносятся большие черные тени, сморщенные порывами ветра. Теперь час отлива. Перед крепостью расстилается пространство, покрытое мелкой галькой и битыми ракушками, которые впиваются в босые ноги. А дальше начинаются гладкие плотные дюны, и среди них изящно змеются блестящие ручейки. На дне этих ручейков песок лежит тугими волнообразными складками. Дениза хочет ощутить под ногами их упругое сопротивление; она бросила лопатку и бежит к лужам.

---

¹ *Безеваль* (или Ульгат) — курорт на берегу Ла-Манша. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

Кто-то окликнул ее: «Дениза!» Она останавливается и медленно идет назад.

Няня Карингтон была не в духе. До того как согласиться — бог весть почему — на предложение Эрпенов, которые были всего-навсего мелкими провинциальными буржуа и даже не имели автомобиля, она воспитывала детей графа де Тианжа, владевшего замком, и детей Вейсбергеров, которые четыре месяца в году проводили в Биаррице. Няня Карингтон была дочерью торговца из Фолькстона, и заветной мечтой ее было годам к пятидесяти вернуться в Англию и открыть там семейный пансион. А во Франции она желала иметь дело лишь с богатыми и знатными семьями.

В Безевале, еще довольно пустынном в 1900 году, она не встретила других англичанок. Ей поневоле приходилось проводить время среди кормилиц, и ответственность за это унижение она возлагала на весь свет. Детскую она считала слишком тесной. Имелась всего лишь одна ванная. Дениза становилась совсем невыносимой и не давала своих игрушек Лолотте и Бебе.

— You are a very naughty little girl... I'll tell your Mother about you...¹ — говорила няня.

Дениза уходила в уголок и сидела там, надувшись. Как может она дать Лолотте свою лопатку? Ведь лопатка живое существо, зовут ее Элали. У всех предметов имелись тайные имена, произносить которые было запрещено. Кожаную подушку

---

¹ Ты непослушная девочка... Я пожалуюсь маме (англ.).

звали Селестина, а ведро называлось господином Гиборелем, как старик-садовник из Пон-дель-Эр, который приходил с сотнями горшочков и высаживал на клумбы бегонии и гелиотроп. Дениза сидела у канавки, служившей ей убежищем, доставала из нее полные пригоршни мелкого теплого песка и просеивала его сквозь пальцы. Если в песке попадался камушек или кусочек ракушки, он застревал между пальчиками. Начинался прилив. Дениза наблюдала, как издали набегают маленькие волны; их белая пена расстилалась по песку, а когда они скатывались обратно, омытый ими песок становился блестящим, как тюлень. Слева, в направлении к Диву и Кабуру, в сверкающем лучезарном море с маленьких суденышек ловили рыбу. Дениза думала о том, как хорошо бы уплыть далеко-далеко на такой вот широкой парусной барке, и о том, какие люди несправедливые и злые.

За ее спиной сидела няня: прислонясь к купальной кабинке и склонив голову над работой, она вязала и беседовала по-французски с «мадемуазель» маленьких Кенэ.

— Если бы я только вздумала рассказать все, что я вижу, — говорила няня. — Она дурная женщина... Она целыми днями пишет ему письма...

Дениза знала, что няня говорит о ее матери. Она слушала и продолжала пропускать сквозь сито своих ручек тонкий золотистый песок, — он образовал теперь возле нее небольшой холмик.

Около шести няня сказала, что пора возвращаться. Одной рукой она взялась за коляску Бебе, дру-

гую дала Шарлотте. Дениза шла позади, за ней волочилась лопатка, скрежещавшая по шершавым плитам тротуара. Дениза знала, что этот звук раздражает няню. Она не дала себя обуть, потому что ей нравилось легкое покалывание камушков, впивавшихся в кожу. Когда она ступила босыми ногами на крыльцо виллы, его деревянные ступени были еще теплые. Дениза подумала о ванне, о том, как все песчинки, приставшие к ее телу, смоются и образуют на дне как бы маленький пляж.

II

Госпожа Эрпен читала, лежа в шезлонге. Руки у нее были в перчатках; она опасалась, как бы морской воздух не оказал вредного влияния на кожу. На ней был розовый, отделанный широкими кружевными воланами пеньюар с высокой талией и буфами на рукавах, у плеч. Плиссированный низ пеньюара раскрывался, как веер. Прекрасное лицо госпожи Эрпен было защищено от солнца прислоненным к шезлонгу белым зонтиком, вышивка которого напоминала узор кромки крыши. Когда Дениза ступила на теплые ступеньки, ее охватило чувство восторга и непреодолимо повлекло к этому воплощению свежести и великолепия. Она обогнала маленьких, которые двигались медленно, и стала подниматься — становилась на ступеньку одной ножкой, тянула вслед за ней другую и наконец подбежала к матери, чтобы поцеловать ее.

— Подбери лопатку, Дениза, — сказала госпожа Эрпен, скрежет железа отвлек ее от чтения.

Она взглянула на маленькое созданище в красной фуфайке, круто остановившееся у розовых воланов.

— У тебя руки в песке, — сказала она. — Поди умойся... Добрый вечер, няня... Мне пришлось на-

писать столько писем, что я не собралась к вам на пляж... Дети вели себя хорошо?

— Нет, совсем даже не хорошо, мадам, — пожаловалась няня. — Дениза опять не дала Лолотте свою подушку.

— Право же, Дениза, в последнее время ты становишься совсем несносной, — заметила госпожа Эрпен.

— Но я не могу, мама, уступать Селестину Лолотте: она ее ненавидит.

— Не говори глупостей, — сказала госпожа Эрпен, — ты уже большая... Ты должна подавать пример... Я всячески стараюсь доставить вам удовольствие; для вас я приезжаю на море, а ты только и думаешь, как бы меня огорчить.

— Это несправедливо, — возразила Дениза.

— Что это несправедливо? — переспросила госпожа Эрпен. — Если не ради няни и не ради сестер, так старайся быть послушной хотя бы для того, чтобы угодить мне.

Дениза взглянула на растрескавшиеся плиты террасы; по ним бегали муравьи.

— Это несправедливо, — повторила она, потупившись.

Госпожа Эрпен вздохнула, пожала плечами и снова принялась за книгу. Няня с тремя девочками молча поднялась по крутой лестнице с липкими еловыми перилами. Пока Эжени и няня готовили ванну для двух младших, Дениза занялась уборкой своего шкафчика. Ей не позволили привезти

из Пон-дель-Эр все ее сокровища, но самые ценные были при ней: лоскут газа, шитого золотом, сломанные карманные часики, старые трамвайные билеты и альбом с марками. Она всегда рассматривала их, пока купались маленькие, потому что в эти минуты возле нее не было няни, которая непременно скажет: «Игрушки для всех» — и заставит ее показать альбом Лолотте, а та начнет вырывать страницы. Немного погодя, когда до нее донесся из ванной плеск воды, она спустилась в кухню. С кухаркой Викториной они были друзья, зато Эжени, горничная, ставшая наперсницей няни, всегда прогоняла Денизу из буфетной.

— И что это вы вечно вертитесь около меня?

В кухне хорошо пахло. Как и крепость на пляже, кухня служила убежищем. Здесь тебя окутывало тепло. Викторина, с огромной грудью, колышущейся под синей холщовой кофтой, склонялась над плитой. Дениза обожала Викторину; кухарка учила ее молоть кофе, натирать шоколад на терке и пела для нее песенку о мальчике-савояре: «Дитя мое, собирайся во Францию, в дальний путь...» Случалось, что Викторина и сердилась, но гнев ее всегда был теплый и нежный, как пар, клубившийся из красивой медной кастрюли, которую она называла «парилкой».

— Викторина, что у нас сегодня на обед?

— Ты тут зачем? — буркнула Викторина. — Сегодня вы обедаете не с мамой... Вам дадут бульон, шпинат и компот.

— Вот и неправда! — воскликнула Дениза. — Я вижу, что у тебя там, в плите. Там пирог с клубникой и жареный цыпленок.

Кухарка сердито прикрыла черную дверцу плиты.

— Не суй нос куда не следует, — ответила она. — Все это не для маленьких девочек... Ну живо, марш отсюда... Из-за тебя мне еще попадет!

По тону Викторины Дениза поняла, что пирог и цыпленок — доказательства каких-то загадочных и предосудительных событий. В шесть лет она уже обладала каким-то тревожным тактом, боязнью что-то узнать. Она промолчала и, понурив голову, вышла из кухни. В полуотворенную дверь столовой она увидела на столе букет цветов. Казалось, весь дом готовится к какому-то празднику, из которого она исключена. Она услышала раздавшийся на лестнице голос няни:

— Дениза! *Where on earth is this child?*¹

— Няня, — крикнула толстуха Викторина, — возьмите Денизу! Беда с этим двойным меню...

Она вышла на порог кухни и обменялась с англичанкой взглядом, в котором сквозили смех и презрение; а девочка в красной фуфайке перехватила этот взгляд и не забывала его всю жизнь.

— *Hurry on*², — сказала няня. — Твои сестры уже вымылись... Викторина, что сегодня у малышей на обед?

---

¹ Куда же это она запропастилась? (*англ.*)

² Поторопись (*англ.*).

— Шпинат и компот, — ответила та.

— Good gracious!¹ — возмутилась няня. — Я с ней поговорю.

Она пошла на веранду, и до Денизы донеслись ее негодующие возгласы:

— A child must be fed. I cannot starve them!²

Няня вернулась, потащила Денизу на второй этаж и бросила Эжени:

— Она дурная мать. Думает только о себе.

Сухая, узкая, презрительная Эжени ходила в черных люстриновых кофточках с высоким воротничком, окаймленным белым батистом. На груди у нее была вколота иголка с ниткой. Дениза сняла с себя красную кофточку.

— Нянечка, — спросила она, — а кто скушает весь пирог с ягодами?

— Никогда *не спрашивай вопросы*, — ответила няня.

И она со злостью принялась намыливать шею и уши Денизы.

---

¹ Боже милостивый! (*англ.*)

² Детей нужно питать. Я не могу морить их голодом! (*англ.*)

Ш

Девочек уложили спать сразу же после обеда.

— Это потому, что вы сегодня не слушались, — сказала няня.

Денизе было уже знакомо это наказание; оно обычно совпадало с посещением англичанкой местного казино. Но на этот раз няня не переоделась. Дениза лежала, закрыв глаза, и силилась разгадать загадку. Она думала о тех временах, когда мать любила ее. Тогда по воскресеньям, утром, ее переносили в кровать родителей. Отец учил ее дуть на золотые часы, и от этого они открывались сами собою, мать позволяла ей играть своими длинными черными волосами, заплетенными в косы. Когда Эжени приносила родителям утренний кофе, Денизе позволялось обмакнуть в чашку ломтик хлеба. Даже днем мама иногда играла с ней, как маленькая, и, сидя на ковре, наблюдала за тем, как варится обед для кукол. Потом родилась Лолотта, потом Бебе. А теперь ее всегда бранят.

Дениза обычно спала, не просыпаясь до самого утра, до той минуты, когда вместе с солнцем в детскую входила няня. Но в эту ночь она вдруг проснулась. Из растворенного окна на три кровати падали мягкие отсветы. То было сочетание лунного

света — легкого, молочно-туманного — и другого, более резкого и белого, поднимавшегося с террасы. Внизу кто-то пел; Дениза оперлась на локоть, чтобы лучше слышать. Она обожала голос матери. Еще двухлетней крошкой, едва заслышав звуки рояля, она спускалась в гостиную и умоляла: «Мама, спойте». Она особенно любила те песни, которые трогали ее до слез, например «Рылейщик». В три года она уже напевала мелодии Шумана, Брамса и обнаруживала такую музыкальную память, что мать решила «засадить» ее за рояль. Девочка делала поразительные успехи. Через полгода она уже аккомпанировала матери, когда та пела такие романсы, аккомпанемент которых был ей под силу.

— Дениза очень музыкальна, — говорила госпожа Эрпен.

— Да как же ей не быть музыкальной, когда у нее такая мать? — отвечали знакомые.

Голос, раздававшийся среди безмолвия, заполнял собою весь мир. Из сада веяло жимолостью. Маленькие спали. Притаившись в кровати, Дениза думала о том, как хорошо бы находиться сейчас наедине с мамой и любоваться ею. Мелодия разливалась широкой звучной волной. Дениза не понимала всех слов, но уловила:

Как грот базальтовый толпился лес великий
Столпов...¹

«Лес столпов» напомнил ей об уроках гимнастики, которой она занималась вместе с детьми Кенэ

---

¹ Слова из романа Дюпарка «Предсуществование» на стихи Бодлера. (Перевод Вячеслава Иванова.)

в их обширном парке, где трапеции и кольца были подвешены между стволами деревьев. Она подумала о покачивании трапеции, о скрипящих кольцах, об Антуане Кенэ, которого она считает своим женихом. Потом она опять прислушалась. Пение было столь прекрасно, что ее охватила тревога. Для кого это так поет мама? Кто ей аккомпанирует?

В катящихся валах всех слав вечерних лики...

Из соседней комнаты, дверь которой была открыта, доносилось ровное дыхание — там спала няня. Дениза прислушалась к этому звуку, потом решительным движением откинула одеяло, спустилась с кровати и на цыпочках подошла к окну. Ящики с геранью издавали запах земли и прелых листьев. Небо казалось сказочным черным шатром, усеянным звездами. Вдали кроткие волны мягко разбивались о песок, шурша, как папиросная бумага. Дениза склонилась над геранью и увидела разноцветные стекла веранды. Мать стояла у рояля в светлом платье с открытыми плечами. Какой-то господин сидел за роялем и играл, но Денизе он был виден только со спины. Его широкий затылок венчали рыжие волосы, окаймлявшие розовую, лоснящуюся лысину. Госпожа Эрпен держала руку на плече этого господина, а сам он склонился к роялю.

И разгадать не мог той тайны, коей жало
Сжигало мысль мою и плоть уничтожало.

Звучный голос возносился, казалось, до самых звезд. Потом он замер. Незнакомец снял с плеча руку госпожи Эрпен и, повернувшись, приник к ней

губами. Денизе стало страшно; она быстро соскользнула с подоконника и на цыпочках вернулась в кровать.

Что это за человек, о приходе которого никто не предупредил? Не его ли ждали цыпленок, пирог с клубникой и лиловые цветы на столе? Почему Викторина и няня посмеивались, говоря о «двойном меню»? В лунном свете она увидела чей-то силуэт, колеблющийся у окна. Она так испугалась, что позвала вполголоса: «Мама!» — но тут же поняла, что это тень от ее красной кофточки, которую няня повесила сушить. Под окном снова раздались звуки рояля. Денизу поразила спокойная уверенность пианиста. Он играл незнакомую ей мелодию. Из кровати она уже не могла слышать слов. Она вздохнула, перевернулась, обхватила ручонками подушку и уснула.

Утром Дениза вспомнила все, что видела ночью, но ничего не рассказала няне и у матери не стала спрашивать. Сидя в своей песчаной крепости на пляже, она думала о затылке с рыжими кудрявыми волосами и о странных словах, которые слышала ночью. Она напевала себе вполголоса:

Как грот базальтовый толпился лес великий
Столпов...

Возвратясь с пляжа, она внимательно присматривалась к матери, проверяя, не изменилась ли она, не взволнована ли. Но мамин капот распушался розовым веером, как и накануне. Весь день Дениза не слушалась и вела себя так несносно, что госпожа

Эрпен пришла в детскую, сама открыла ящик со священными сокровищами и отняла у нее самый ее любимый газовый лоскут, с помощью которого Дениза преображалась в Золушку, готовую отправиться на бал. Девочка долго рыдала. Какие все люди злые, ужасные, отвратительные! Целых два часа она заливалась слезами и стонала; наконец няня умыла ее и отдала ей лоскут. Вечером она была панинкой и много смеялась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	141
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	253